

Вадим Рабинович

Роджер БЭЖОН

Видение о чудодее, который наживал опыт,
а проживал судьбу

Вадим Рабинович

**Роджер Бэкон. Видение о
чудодее, который наживал
опыт, а проживал судьбу**

«Алетейя»

УДК 929 Бэкон(410)"12"
ББК 87.3(4Вел)

Рабинович В. Л.

Роджер Бэкон. Видение о чудодее, который наживал опыт, а проживал судьбу / В. Л. Рабинович — «Алетейя»,

ISBN 978-5-91419-847-0

Это первая научная биография выдающегося философа европейского средневековья, проложившего путь к теоретико-экспериментальному мышлению Нового времени. Переводы сочинений снабжены комментариями и библиографией. Автор книги — доктор философских наук, профессор МГУ. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 929 Бэкон(410)"12"
ББК 87.3(4Вел)

ISBN 978-5-91419-847-0

© Рабинович В. Л.
© Алетейя

Содержание

Doctor Mirbailis: парадоксы жизнеописания	5
Времена	10
Политическая история	11
Хроники Матфея Парижского	15
Типажи	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вадим Рабинович

Роджер Бэкон. Видение о чудодее, который наживал опыт, а проживал судьбу

Doctor Mirbailis: парадоксы жизнеописания

Роджер Бэкон... Учёный монах-францисканец, пылкий искатель истины, одинокий бунтарь, прозванный за свои необыкновенные познания в тогдашних науках достойным удивления – Doctor mirabilis. Энциклопедии знают об интервале его жизни лишь приблизительно. Так и пишут: 1214?–1292? Единственное, что достоверно, – это его сочинения. Именно на них будет основан наш рассказ, обрамленный соответствующим историческим фоном.

Очевидность такова, что творческая личность в силу своей уникальности выходит за пределы и стили мышления, и так называемого «среднего человека» изучаемой культуры («Средний человек» – термин, введенный Л. П. Карсавиным (1915, с. 11–12) для характеристики обобщенного, «среднего» уровня культуры). Тогда-то и возникают два типа аберрации исторического зрения: либо акцент на выход творческой личности за мыслительный горизонт своего времени, либо, напротив, отказ герою исторического повествования в какой бы то ни было значимости (особенно с ретроспективных позиций последующих времен). Едва ли следует доказывать, что и то и другое равно внеисторично.

В отличие от «среднеарифметического» человека, творческая личность как бытийная реальность видится средоточием динамического равновесия контрнаправленных движений в самом мышлении: *стать иным*, преодолев самого себя, *остаться прежним*, выразив в творческой личности наисущественнейшие свои потенции, скрытые в «среднем человеке», но предельно явленные в динамической модели творческой личности.

Именно тогда творческая личность данной культуры предстает как *начало* и *конец* этой культуры, как ее *рождение* и *вырождение*. Творческая личность в относительно замкнутой зрелой культуре может быть осмыслена в единстве крайних, критических ее состояний. Но именно в этих формообразующих (форморазрушающих) точках только и возможно постичь стиль мышления культуры, ее живой образ.

Социокультурная обусловленность творческой личности: в мышлении личности, в ее деятельности живет и действует социум; осуществляет себя исторически неповторимая творческая личность на социально-историческом фоне своего существования, микро моделируя в ходе собственной деятельности и в самой себе мегасоциум эпохи; *выходя* из эпохи, но и *оставаясь* в ней. Общение выступает, таким образом, приобщением человека к человеку, творческой личности к культуре; реальным освоением личностью своих социальных отношений – освоением культуры. Осуществляется становление субъекта деятельности. Именно здесь и высвечивается глубинная его социальность, актуализируется культура, превращаясь в способ деятельности личности. *Деятельность личности оказывается направленной на собственное мышление как на образ культуры.*

Верно, что человек средневековья глубоко традиционен, принципиально антиноватор. Этот тезис – поистине общее место, если только оставить не раскрытыми, а лишь названными, очевидные определения средневекового человека. Растворенный в коллективном субъекте, средневековый человек проявляет свою особость лишь постольку, поскольку ощутил себя частицей субъекта всеобщего. Только тогда собственный вклад в дело *личного спасения* приобретает характер общезначимого и вместе с тем особенного. Привносится свой узор в общий рисунок ковра, который ткут все ради всех. Средневековый человек ищет опоры в давней тра-

диции. Ему, обретшему свое маленькое *свое*, жизненно необходим **авторитет соборности**. Такое оказывается возможным в условиях средневековой жизни христианства как религии *коллективного спасения*¹.

Диалектику личностно-неповторимого и социального в человеческой деятельности тонко отмечает Маркс: человек «...только в обществе и может обособляться» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.12, с.710).

Таков принципиально традиционалистский характер личности средневековья. Но осознание себя в авторитарной традиции есть личное, индивидуальное дело.

А теперь обратимся к некоторым фактам трагической судьбы Роджера Бэкона.

Вдумчивый естествоиспытатель, глубокий мыслитель, изобретатель-фантаст – эти и сходные определения устойчиво закрепились за ним в сочинениях по истории средневековой науки.

Опыт и наблюдение, провозглашенные в совокупности единственным источником и мерилom *истинного* знания, блистательные предвосхищения величайших изобретений человеческого гения (самолет, пароход, огнестрельное оружие, телескоп), страстные и рискованные нападки на ложные, хотя и высокие, авторитеты – все это в сознании многих исследователей, создавших наличную *роджер-бэкониаду*, отлилось в тезис, ставший общим местом: *Роджер Бэкон* на несколько столетий «опередил свое время» и может быть сравним с ученым Нового времени. Обычно это сравнение любят замыкать на его однофамильце и соплеменнике *Френсисе* Бэконе из XVII века. Этим объясняют и то, что *Роджер Бэкон* вместе со своими творениями выпал из общекультурной традиции. «Опередил свое время», «выпал из традиции», «остался непонятым»... Такие метафоры мало что объясняют.

Есть, однако, работы, располагающихся на ином полюсе (Л. Торндайк, Хайдеггер, Олышки), в них *Бэкон* не такой уж мученик, и экспериментальный метод его вовсе не экспериментальный (Thorndike, 1923, с. 649–657), и изобретения знаменитого *Оксфордца* – всего лишь умозрительные химеры. Но и такое уничижительное отношение к столь мощному уму также внеисторично². Намечу путь возможного преодоления такого крайнего несходства в оценке, жизнеописании, трактовке.

Ясно, что *Роджер Бэкон* – человек своего времени, своей культуры, характеризующейся определенным типом мышления. В пределах европейской средневековой культуры располагаются феномены мышления *Бэкона*, *монаха-францисканца*, узника и страдальца, и его гонителей, ревнителей окрепшего доминиканства XIII столетия.

Бэкон вовсе не ниспровергатель основ. Нет! Борец, неутомимый, самоотверженный. Но не против, а за... За кристальную чистоту раннехристианского, не замутненного десятилетиями канона. Ниспровержение ложного авторитета во имя авторитарности как принципа; бунт против магического чернокнижия *во имя* божественной магии, христианской теургии; за опыт-созерцание в точных науках, *в поддержку опыта внутреннего, дарующего озарение*, понятого как всеобщий метод; за естественнонаучное объяснение мира, который должен быть осмыслен как произведение творца; протест против темной и путаной схоластики во имя доводов ясных и точных. Рафинированная ортодоксия (не в значении православия). Жизнь, дело, душа были отданы выпрямлению изначальных, в сущности ортодоксальных, оснований, потому судьба великого англичанина предстает как героическое мученичество, поучительное и ныне.

Возврат к началу – реставрация оснований средневековой культуры в очищенном от временных напластований виде обнажает болевые точки этой культуры, могущей стать иной.

---

¹ Здесь необходимо существенное уточнение. *Собор* – не толпа. Это тоже индивид, только всеобщий, тождественный богу – личности личностей. Тогда *коллективное спасение* в христианстве есть *спасение* глубоко личное.

² Справедливости ради следует назвать превосходную книгу (на русском языке) Виктора Хинкиса «Жизнь и смерть Роджера Бэкона», в которой, кажется, преодолеваются эти крайности (1971).

Остаться прежней – стать иной. И то и другое заложено в генетическом коде культуры. Высветление гомогенных оснований средневековой культуры лишь резче обозначает гетерогенность «осени средневековья», готовящегося стать Возрождением. В этом смысле ортодокс тождествен новатору, послушник – еретику.

Еретическое послушничество. Но именно *послушничество*, ибо сколь не опасна реставрация первичного *образца*, реставрируется все-таки *образец*, а не творится заново *образ* культуры.

Бесспорно, возврат к началу культуры есть также и подступ к ее концу. И в этом смысле развиваемое здесь соображение для внутрикультурных реконструкций может оказаться полезным. Но подлинное преобразование средневековой культуры в культуру иную по-прежнему остается загадкой.

Эта декларация требует доказательств, причастных к источнику, например, к «Большому сочинению» Оксфордца, где изложена методологическая программа познания (АМФ, 1, 1969, с. 862–877).

Четыре причины человеческого невежества суть: опора на недостойный авторитет, постоянство привычки, мнение несведущей толпы, прикрытие невежества показной мудростью. Отсюда доводы – это передано нам от предков, это привычно, это общепринято – оспаривать бессмысленно. Развенчание аргументации невежд должно высветлять мудрость не показную, но истинную (с. 862–863).

Как же развенчивается всё это? Ссылкой на авторитеты, а также с помощью *опыта* и *разума*. Внешне опровергается то же – тем же: *недостойный авторитет – авторитетом иным; привычка – опытом; мнение толпы – разумом*. Но все-таки *иным* авторитетом? «...*Неколебимым и подлинным авторитетом, который либо дан церкви божественным судом, либо в особенности порожден заслугами и достоинствами безупречных философов и превосходных пророков, которые в меру человеческих возможностей преуспели в постижении мудрости*» (с. 864). Заметьте: *авторитет* церкви, но вместе с ним и авторитет человеческий. Последний – в особенности.

И все-таки *авторитет*. *Авторитет* церкви, *данный божественным судом*. Здесь Бэкон ссылается на *Священное писание*: «*Из-за грехов народа часто воцаряется лицемер*» (там же). Итак, *ложный авторитет должен быть заменен авторитетом истинным, ибо софистические авторитеты неразумной толпы сомнительны. Они подобны нарисованному или сделанному из камня глазу, который обладает «лишь названием глаза, а не его свойствами»* (там же). Очевидности совпадают. Скрытые сущности диаметрально разные. Власть *ложных авторитетов* не безобидна: *разум бездействует, право не решает, закон бессилён, нет места ни велению неба, ни велению природы, искажается облик вещей, извращается порядок, властвует порок, гибнет добродетель, царит ложь, а истина бездыханна* (там же). Это ли не томление по изначальному, а ныне извращенному божественному порядку, который видел за очевидной повседневностью не глазом, но оком францисканец Роджер Бэкон в фаворском свете божественной истины?!

Было бы, однако, жаль в столь внешне традиционалистском обороте проглядеть прямые упования на *авторитет человеческий*, основанный на «*лучших суждениях мудрых*» (там же).

Посмотрим теперь, на чем зиждется *бэконовский разум*. Прежде всего он научный и только потому здравый. Математика, оптика, опытная наука – незыблемый *trivium* Роджера Бэкона.

Четвертая часть «Большого сочинения» обосновывает силу математики в науках и мирских делах. Здесь нет, или почти нет, ссылок на *Священное писание*. Зато есть ссылки на *языческие авторитеты и их сочинения, мудрость которых открывается только знающим языки*. Это «*Вторая аналитика*» Аристотеля, Евклидовы «*Начала*», «*Тускуланские беседы*» Цицерона, «*Естественная история*» Плиния Старшего, астрологические штудии Птолемея,

астрономические сочинения араба *Альбумазара*, медицинские трактаты таджика *Авиценны*. Не забыты и современники: *Роберт Линкольнский (Гроссетет)*, *Адам из Марча*, *Пьер из Марикура*. Авторитет *Священного писания* есть авторитет, обосновывающий изначально; он совпадает с *основанием*. *Следствия* же, куда более важные в прикладных делах, зиждутся на *человеческом авторитете разума*. Преуспевание в постижении *абсолютной мудрости* невозможно без опоры на авторитеты человеческие.

Математика – врата и ключ к знанию. Она подготавливает душу и возвышает ее. Можно подумать, что с нами говорит наш почти современник (из Нового времени) – *Френсис Бэкон*.

Математика – и метод, и инструмент. Она вносит порядок в первоначальное знание, лишённое порядка; завершает это знание, делает его цельным.

Далее следуют исчерпывающие доказательства *необходимости математики*. Этих доказательств два: одно – с помощью ссылки на *языческие авторитеты*; второе – «*разумными основаниями*». Самое разделение аргументации на два доказательства свидетельствует о том, что авторитет – это *авторитет*, а разум – это *разум*. Они разведены в деле, хотя и отождествлены в сиянии одной-единственной, божественной, *истины*.

Какие же *разумные основания* приводит Бэкон в пользу математики как всеобщего инструмента познания? Этих оснований восемь.

Во-первых, все прочие науки пользуются математическими примерами.

Во-вторых, «математические знания как бы прирождены нам» – они от бога.

В-третьих, математика – очень древняя наука (от Адама и Ноя).

В-четвертых, математика – самая легкая наука, а «для нас естествен путь от легкого к трудному».

В-пятых, она доступна всем.

В-шестых, она сообразна «с детским состоянием и детским умом», ибо чертить, считать и петь – занятия принципиально математические.

В-седьмых, математика известна нам вне природы, опираясь на нее, можно двинуться дальше – к познанию природного.

В-восьмых, математика дает достоверное знание, с помощью которого только и может быть достигнута безупречная истина (с. 866–869).

Все это также чрезвычайно «современно», если бы не одно обстоятельство. Математика, по Бэкону, предстает не плодом конструктивного ума. Напротив, она *врожденная, богом данная наука*. Это не просто математика, но «*благодетельная математика*». Бэкон как бы перечеркивает бесплотный характер этой науки, утверждая то обстоятельство, что именно в математике «*имеют для всего чувственный пример и чувственный опыт, строя чертеж или исчисляя, чтобы все было очевидно для ощущения*» (с. 869). Чувственная очевидность. Только она – возвышающее основание мощи математики, ибо «*духовные вещи познаются через телесные следствия и творец – через творение*» (там же).

Акцент на предмет – очень важное обстоятельство. Настолько важное, что можно и позабыть о вещах *духовных*, растворенных в их *телесных* следствиях. Можно забыть и о *творце*, потерявшемся в творении. Неспроста именно *телесное* настойчиво подчеркивает Бэкон.

Чувственная природа математики, им же законоположенная, дает Бэкону разумные основания осмыслить ее как *ключ познания*. Выдвигаются доводы, *доставляемые самим ее предметом*. *Во-первых, людям, как считает Бэкон, «прирожден способ познания от ощущения к уму, так что, если нет ощущений, нет и науки, основывающейся на них, как сказано в первой книге «Второй аналитики», ибо человеческий ум продвигается вслед за ощущением» (с. 871). Количество же как принципиально математическая вещь именно ощущением, по Бэкону, и постигается. Во-вторых, «сам акт мышления не совершается без непрерывного количества... Поэтому количества и тела мы постигаем созерцанием ума, ибо их виды находятся в уме»*

(там же). *Бестелесное постигается труднее как раз из-за того, что именно телесное занимает весь наш ум.* Итак, созерцание (*admiratio*) и отражение.

Далее следует *оптика Оксфорда*, вторая наука бэконовского *trivium*'а. За нею – наука «*опытная*». То, что может быть принято во «*внешнем опыте*» Бэкона за индуктивизм новой науки, а также за отчаянно смелые «*предвосхищения*» будущих технических свершений, оправдано высоким, специфически средневековым предназначением: «...*для божьей церкви в ее борьбе против врагов веры, которых скорее следует одолеть усилиями мудрости, чем военными орудиями, каковыми обильно и с успехом пользуется антихрист...*» (с. 877).

Калейдоскопически одновременные вознесения и заземления – существенная особенность «*Большого сочинения*» Роджера Бэкона. Глубоко послушническое основание, укорененное в незапятнанной раннехристианской традиции, восходящей к Августину, и рядом демиургические телесно-языческие следствия рукотворно усовершенствуемого мира.

Но... пора переходить собственно к жизнеописанию. К подробному анализу текстов.

К так называемому историческому фону.

Но прежде – стихотворные «зонги» моего собственного изготовления – в тему каждой главы, расширяющие историческое пространство повествования. Во всяком случае – надеюсь на это...

***

Отделяю агнцев от козлищ,
Плевелы от ржи, пырей от проса.
Вот стоит козлище. С виду злющ.
Борода как плющ, и безголосо
Блеет. На хвосте торчком репей.
Рог обломлен. Сукровит колено.
Подойду к нему. Скажу: попей.
Но, подъявши голову надменно,
Отвернется, все слова поправ,
Пропустив мимо ушей разлтых.
Рыжие полыни горьких трав
Оплетут копыта. Виновато
Подойду еще, поглажу бок,
Впалый бок. И в высохшие губы
Булки белой положу кусок.
Дрогнут губы, обнажатся зубы.
Вот еда, скажу, а вот вода.
Вот мой дом, скажу, – твое жилище...
Агнец добр и так. А вот козлище
Ежли подобреет – это да!

Времена

Англия. XIII век, целиком вместивший долгую жизнь нашего героя (ок. 1214–1292) и властвование трёх королей: *Иоанна Безземельного*, младшего сына Генриха II, вступившего на престол в 1199 году после смерти своего старшего брата Ричарда I Львиное сердце и умершего в 1216 году; *Генриха III* (1216–1272 гг.), сына Иоанна; *Эдуарда I* (1272–1307), сына Генриха III.

Политическая история

Итак, Иоанн Безземельный. Его правление совпало с эпохой борьбы английского общества за правопорядок, который должен быть обеспечен принятием Великой хартии вольностей, подписанной 15 июня 1215 года.

Но хартия без гарантий – пустой звук, хотя и важно звучит. Звук должен обрести смысл гарантий, обеспечивающих неприкосновенность и реальность феодальных прав баронов, поднявших массовое движение, направленное против беззаконий короля; движение, переросшее в вооруженное восстание против короля, должно завоевать справедливость, существующую дотопе лишь на бумаге – в шестидесяти трёх параграфах Великой хартии вольностей (*Magna Carta Libertatum*). Но и это было актом капитуляции перед восставшими против попрания прав баронов, против несправедливых поборов, потери некоторых английских территорий (Нормандии, Мэна, Анжу, Турени) в пользу Франции в результате проигранной войны с франкским королём Филиппом II Августом, против столкновения с английской церковью, отлучившей от церкви самого короля... Королю не удалось разбить антикоролевскую коалицию. И хартию пришлось подписать. И даже коллективно её подписать. Вот её преамбула, обращенная едва ли не ко всем подданным короля:

«Иоанн, божьей милостью король Англии, сениор Ирландии, герцог Нормандии и Аквитании и граф Анжу, архиепископам, аббатам, графам, баронам, юстициариям, чинам лесного ведомства, шерифам, бэйлифам, слугам и всем должностным и верным своим шлет привет. Знайте, что мы по божьему внушению и для спасения души нашей и всех предшественников и наследников наших, в честь бога и для возвышения отцов наших Кентерберийского архиепископа, Стефана, примаса дублинского, архиепископа, Уильяма Лондонского, епископов Петра Уинчестерского, Жослена Бозского и Гластонберийского, Гуго Линкольнского, Уолтера Устерского, Уильяма Ковентрийского и Бенедикта Рочестерского; магистра Пандульфа, сениора папы субдиакона и члена его двора, брата Эйнерика, магистра храмового воинства в Англии, и благородных мужей: Уильяма Маршалла графа Пемброка, Уильяма графа Солсбери, Уильяма графа Уоррена, Уильяма графа Аронделла, Алана Петра, сына Герберта, Губерта de Wiggo, сенешала Пуату, Гугона де Невилль, Матвея, сына Герберта, Томаса Бассета, Алана Бассета, Филиппа д'Обиньи, Роберта де Ропели, Джона Маршалла, Джона, сына Гугона, и других верных наших.»

И далее, ... «чтобы английская церковь была свободна...»

Ей же – «свободу выборов»... «Пожаловали мы также всем свободным людям королевства нашего... на вечные времена все нижеписанные вольности... (см.: здесь и далее Петрушевский, 1936).

Какие же это вольности и кому они пожалованы в первую очередь? Конечно же, имущественные и, прежде всего, организовавшим восстание и руководящим им баронам. Ограничивается произвол короля в обложении различными податями баронов. Они взымаются с согласия общего совета королевства (исключения: пленение короля, посвящение в рыцари старшего его сына, выдача замуж первым браком старшей его дочери).

Знаменитый параграф 39 защищает интересы феодальных баронов и как бы между прочим всякого «свободного человека» (*homo liber*) и гарантирует ему за совершённое правонарушение приговор местных пэров по закону страны. Это для обыкновенных «свободных людей» (королевский суд времён Генриха II с разъездными судьями и присяжными). Для баронов же надлежит отменить право короля вторгаться в юрисдикцию феодальных курий.

В случае возможных нарушений королём своих, предусмотренных хартией, прав баронов, в дело вступал комитет из двадцати пяти баронов, имеющий право поднимать «общину всей земли» (*communam totius terrae*). И всё же, вольности распространялись и на не феодаль-

ных членов общества – просто на «свободного человека». И этим явно намечалась перспектива политического развития общества с расширением степеней свобод, с дальнейшей демократизацией правовых норм. Долгий и трудный, но верный путь!..

Новый король – Генрих III, сын Иоанна Безземельного. По свидетельству хронистов, это был безвольный, неспособный к управлению государством, вздорный и недалёкий властитель. Это была эпоха жестокой борьбы английского общества за правовой порядок. Великая хартия вольностей – обязательное условие правопорядка, но не достаточное. Предстояло букву этой «конституции» исполнить действенного смысла.

Что для этого надо было сделать? Во-первых, придать незыблемость нормам, записанным в хартии. Во-вторых, создать такие органы, которые ставили бы власти рамки, выход за которые власти был бы заказан. То есть указать путь к формам парламентаризма. Не простой путь: через междоусобные распри к парламенту, реально ограничившему власть короля.

В первые годы правления Генриха III борьба английского общества с королевским произволом была окрашена в национальные тона. В Англию нахлынули полчища иноземцев, привезённых многочисленными континентальными родственниками королевской четы. Иностранцы, главным образом, французские, авантюристы убеждали короля пренебречь Хартией, поскольку, по их мнению, вся власть – от короля. Открыто пренебрегая правами и обычаями страны, они оскорбляли чувства местного населения. Великая хартия вольностей померкла, каллиграфия выцвела, с таким трудом вырванные у власти параграфы еле читались. Оскорбление английского национального достоинства удваивалось бесцеремонным хозяйничанием римского первосвященника. Иоанн Безземельный помирился с папой, отдав римскому престолу своё королевство, и получил его обратно в качестве мена с обязательством платить ежегодную подать. Генрих III оказался ещё покладастей: папские люди захватили в королевстве лучшие приходы, грабя и мирян, облагая их непомерными налогами и втягивая Англию в опасные авантюры.

Протестные антикоролевские и антипапские настроения в обществе нарастали. В 1246 году в ответ на требование папы Иннокентия IV, предъявленное англиканской церкви дать папе огромную сумму денег, бароны пригрозили папе и королю большими бедами. Народ поддержал баронов. Папа как будто не услышал эту угрозу. Налоговый гнёт церкви продолжился с ещё большей силой: двойной гнёт – со стороны папы и со стороны короля. Хартия беззастенчиво попиралась. Назревал общий кризис, который разразился в 1258 году, когда в созданном в Лондоне Великом совете (называвшимся теперь парламентом, *parliamentum*) король от имени папы потребовал... *третью часть всей собственности* в Англии в счёт уплаты за сицилийскую корону для младшего сына короля, которая была ещё в руках Гогенштауфенов, с которыми папа вёл упорную борьбу. И... терпение лопнуло: иностранные авантюристы должны быть судимы, а к королю (страшно подумать!) должны быть применены «исключительные меры». Таким был приговор собрания.

Через несколько дней, 30 апреля 1258 года, бароны в воинских доспехах явились к королю в Вестминстер, предъявив ему такой ультиматум: изгнать «гнусных и нетерпимых выходцев из Пуату», равно как и всех других иностранцев; избрать комитет двадцати четырёх для проведения необходимых реформ. В ответ на сие 2 мая король издал две прокламации: согласился с сыном Эдуардом на реформы и на избрание комитета двадцати четырёх при условии взаимно соблюдать всё, что постановит комитет. Обещал созвать парламент в Оксфорде через месяц – сразу после Троицы.

До Троицына дня оставалось пять недель. Противники короля (а заодно и Папы) собирались с силами. Главные: Симон де Монфор граф Лестерский, граф Глостерский, граф Герефордский... Была составлена петиция с перечнем «художеств» короля. Был выбран комитет *двадцати четырёх*, составивший новую конституцию, ограничивающую власть короля постоянным *советом пятнадцати*, избираемым комитетом и собираемым три раза в год парламен-

том. Всё это стало содержанием Оксфордских провизий. Там же король подтвердил баронские вольности. Но «община бакалавров Англии» взяла сторону короля. Король оживился, тем более, что заручился разрешением папы не соблюдать *Оксфордские провизии*... Война Симона де Монфора и его сторонников против короля продолжилась. 17 мая 1264 года в битве при Льюсе король был побеждён и взят в плен. Симон де Монфор – один из трёх третейских судей – становится фактическим главой государства и тут же принялся за написание новой конституции согласно Льюисской Мизе, всё это узаконившей. Новая конституция (*Firma regiminis domini Regis et regni*) Симона де Монфора была принята созванным от имени короля парламентом в Лондоне 22 июня. Парламент оказался достаточно представительным: вместе с прелатами и магнатами были приглашены по четыре избранных рыцаря от каждого графства и по два представителя от Йорка, Линкольна и «прочих городов Англии», а также от «баронов и уважаемых людей пяти портов». Ну чем не парламентская монархия XIII века?!

Но роялисты вновь вернулись. Их возглавил наследный принц Эдуард, бежавший из плена. 4 августа в битве при Ивземе войско Симона де Монфора было разбито, а сам Симон был убит. Но борьба ещё продолжалась до октября 1266 года, когда воюющие стороны заключили мир на условиях короля, хотя и выработанных комиссией из четырёх епископов и восьми баронов (Кепилуорский Приговор, принятый парламентом). Приверженцы Симона де Монфора приняли эти условия, а именно: король восстанавливался во всей полноте его власти, все имущественные права также восстанавливались, а документы, изданные Симоном де Монфором, объявлялись утратившими свою силу; в то же время сохранялись вольности Хартии для баронов и церкви; прописывались условия, на которых возвращались под защиту закона сторонники Симона де Монфора с возвращением конфискованных у них владений.

Борьба сошла на нет к осени 1267 года, а созванный в ноябре того же года в Марлборо парламент (тоже представительный) поставил точку в этой войне. Он издал (с некоторыми пропусками) Вестминстерские провизии, узаконив почти всё, что требовали бароны в своей петиции в «бешеном» парламенте 1258 года.

Что было дальше в этом значимом для истории Англии XIII веке?

При Эдуарде I провозглашается с виду весьма демократический порядок. *Что касается всех, должно быть всеми и одобрено. Этими всеми* должен стать созываемый королём парламент, куда приглашались представители всех сословий: от духовных и светских магнатов до представителей «свободной массы» (рыцарей от графств и авторитетных горожан).

Но за парламент как верховное учреждение Англии необходимо было побороться, причём с оружием в руках. Демонстрацию силы возглавили Роджер Биго, граф Норфолкский и маршал Англии, и Гэмфри Богэн, граф Герефордский и констабль Англии. Окончательное (в пределах правления короля Эдуарда I) торжество парламента как верховного органа Англии случилось 5 ноября 1297 года, когда Эдуард I вынужден был подтвердить Великую хартию вольностей с дополнительными статьями, касающимися чрезмерного налогообложения. Первый параграф латинской версии (*Statutum de Tallagio non concedendo*) теперь читался так: «... никакой налог или пособие не будет впредь налагаться или взиматься в королевстве нашем нами или наследниками нашими без воли и общего согласия архиепископов, епископов и других прелатов, баронов, рыцарей, горожан и иных свободных людей в королевстве нашем». В предварение новации были приняты ещё некоторые статуты, улучшающие местную юстицию и носящие противифеодальный характер.

Таковы ощутимые результаты борьбы за становление парламентских форм, ограничивающих власть короля, на пути к новой английской государственности.

А что же наш герой в этом бранчливом XIII веке? Как соотносить Время страны и время конкретного человека в их трагическом со-бытии? Попробую наметить...

***

Политические страсти, которые разыгрывались в Англии XIII века – как раз тогда, когда в начале этого века началась жизнь нашего героя, а на излёте этого же века и закончилась – казалось бы, прошли мимо этой жизни, не прибавив от себя дополнительных мучений к его тюремным мучениям. И борьба за феодальные вольности, и относительно представительный «назначаемо-выборный» парламент, и кровавые распри за прозрачный характер всевозможных поборов, и хотя бы за видимое равенство перед лицом власти тогдашнего свободного населения, и за – пусть неполное – ограничение власти папского престола, и за освобождение от иностранного вмешательства в жизнь английского общества – всё это не мешало Роджеру Бэкону учиться и думать. Но... обострённое чувство справедливости, каждый раз травмируемое ханжеским лицемерием и всевозможными неправдами, завладевшими тогдашней жизнью, выковывало характер – гордый и непреклонный.

Со смертью папы Климента IV (1268 г.), проявлявшего интерес к научным штудиям Р. Бэкона, надежды на поддержку духовных властителей стали рушиться. В 1277 или 1278 г. генерал ордена францисканцев Иероним из Асколи усадил Бэкона в тюрьму за «подозрительные новшества». Вероятно, имелись в виду его «антихристовы» изобретения (хотя и не осуществлённые). Но главное – открытые выступления против «ложных авторитетов», закрывавших глаза на вопиющее расхождение жизни орденского начальства с жизнью Ассизского святого, некогда придумавшего движение «меньших братьев», одухотворённых раннехристианскими идеалами «честной бедности», плюс к этому – декларирование «опытной жизни». Не *против*, а *за восстановление раннехристианского канона*, опустошённого в его – Роджер-бэконовском – времени. В результате 12 лет тюрьмы (освобождён около 1290 года). И это при Эдуарде I – самом приличном английском короле из всех прочих королей, правящих в Англии в XIII веке!

Хроники Матфея Парижского

А теперь время Роджера Бэкона, как оно запечатлелось в хрониках событий, которую в монастыре святого Альбана вел монах Матфей Парижский, прозванный так потому, что учился в Париже. Из года в год он вел свои хроники.

Он записал:

«В год от рождества Христова тысяча двести двадцать седьмой и в год царствования своего двенадцатый король Генрих с великой торжественностью отпраздновал рождество в городе Ридинге. По возвращении же своем в Лондон потребовал от жителей этого города и других городов уплаты в его королевскую казну денег, с каждого – пятнадцатую часть от всего движимого имущества и пятнадцатую же часть от всякого прочего достояния...»³.

«И вскоре же, в месяце феврале, созвал он в Оксфорде Великий совет королевства и объявил перед советом, что отныне не потерпит над собою никакой опеки и важнейшими государственными делами самолично ведать намерен».

Недовольство и ропот. Наступали худые времена. Понуро шли кузнецы. Роджер знал, почему.

Вольный город Оксфорд. Привилегии его записаны в хартии. Все жители – свободные люди. Им пожалованы права...

Но король легко мог нарушить хартию. И – нарушал...

Роджер принимал все это близко к сердцу.

Матвей Парижский записал:

«В год от рождества Христова тысяча двести двадцать девятый и в год царствования своего четырнадцатый Генрих III король Англии отпраздновал рождество в Оксфорде вместе со многими знатными людьми королевства.

В скором после этого времени, как того потребовал папский нунций Стефан, посланный папой римским в Англию, король созвал в Вестминстер епископов, аббатов, графов и баронов. Когда же все собрались, прочитал Стефан папскую буллу, в каковой требовал десятины со всех жителей Англии, Ирландии и Уэльса, дабы мог он и впредь вести войну с императором Фридрихом. Король же, у которого все искали защиты и избавления, ничего на это не сказал, изъявив тем молчаливое свое согласие...

И в том же году, на праздник святого Михаила, король Генрих III собрал в Портсмуте великое войско, имея намерение отвоевать за морем утраченные земли, и приказал садиться на корабли, которые, однако, не могли поднять и половины столь многого войска. Видя это, король в сильном гневе винил во всем верховного судью Губерта, и называл его предателем, и упрекал в том, что ныне он, как и прежде, чинит помехи своему королю».

Десятина была уплачена. В этом году обошлось без войны.

Рыцари готовили доспехи.

Матвей Парижский заносил в хронику:

«В год от рождества Христова тысяча двести тридцатый и в год царствования своего пятнадцатый Генрих III король Англии отпраздновал рождество в Йорке...»

В том же году король Генрих у всех подданных своих, а в особенности у церквей и монастырей, много потребовал денег для пополнения своей казны, дабы мог он отвоевать заморские земли. Горожане Лондона и прочих городов, невзирая на вольности свои, великие тяготы нести принуждены были.

---

³ Здесь и далее *Хроники* цитируются по книге В. Хинкиса «Жизнь и смерть Роджера Бэкона» (М., 1971).

И на праздник после пасхи собрал король в Ридинге немалое войско, призвав туда рыцарей со всех концов королевства, и за день до майских календ двинулся с ними в Портсмут, где повелел садиться на корабли.

Прибыв в Анжу с войском, король большие там понес потери и оттуда ушел в Пуату, где захватил замок Мирбо...

Однако, теснимый врагами, отступил к городу Нанту, истощив казну и лишившись войска. Английские же рыцари, издержав деньги в походе, а многие потеряв коней и оружие, от претерпеваемых тяжких невзгод лишались сил и отдавали Богу душу.

И в месяце октябре повелел король садиться на корабли, не добыв славы, и после плаванья, полного грозных опасностей, вернулся в Портсмут, напрасно истратив все деньги, а бесчисленное множество рыцарей либо приняло смерть, либо было истощено болезнями и голодом, либо же приведено в полнейшую нищету».

Роджеру издалека война представлялась большой дракой, где спор решался не умом, а силой.

Год начинался плохо. Война разорила Англию, а король роскошествовал и требовал денег...

«В год от рождества Христова тысяча двести тридцать второй и в год царствования своего семнадцатый король Англии отпраздновал рождество в Винчестере, где Пьер де Рош, епископ Винчестерский, устроил празднество пышное и великолепное...

В эту же пору собрались там призванные на Совет королевства магнаты Англии, епископы и многие священники, и король им объявил, что бесчисленными обременен долгами по причине недавних военных походов в заморские земли; и, вынужденный необходимостью, от всех подданных своих требует денежного вспоможения. И тогда граф Честерский Ранульф от лица всех магнатов королевства отвечал, что графы, бароны и рыцари столько денег напрасно издержали, что доведены до нищеты и отчаяния, а по закону платить королю не обязаны...»

Хартия гласила:

«Мы, Иоанн, божией милостью король Англии, властитель Ирландии, герцог Нормандии и Аквитании, пожаловали всем свободным людям королевства нашего за нас и за наследников наших на вечные времена все ниже писанные вольности».

В хартии были слова:

«Никому не будем мы продавать права и справедливости, никому не станем отказывать в них или чинить препятствия».

Хартия не позволяла бросить в тюрьму невинного:

«Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или объявлен вне закона, или изгнан, или иным каким-либо способом обездолен иначе, как по законному приговору равных ему и по закону страны».

Король Генрих не раз подтверждал хартию. Он же не раз нарушал ее. Щедрый на клятвенные обещания. И вместе с тем – двоемысленный и вероломный.

Бесстрастный летописец Матфей Парижский записал:

«В конце месяца июля по наущению епископа Винчестерского Пьера де Роша король повелел Губерту де Бургу не состоять более в должности верховного судьи. И малое время спустя, прогневанный, обвинил Губерта в своекорыстном присвоении денег из его королевской казны, а равно и в убытках, кои потерпел король по небрежению Губертову. И равно во многих поступках ко вреду королевства как в военных, так и в иных делах».

Подумав, летописец добавил к этому:

«Упомянутые обвинения высказаны под влиянием гнева, и враги Губерта были над ним судьями и судили неправедно. Губерт же не однажды столь похвально и с таковой отвагою в ратных делах постоял за короля и королевство, что заслуги его все обвинения достойно отвергают».

И... продолжил:

«Губерт, однако, принужден был тайно и с поспешностью бежать в Мертон, где его укрыли служители церкви. Король же послал туда триста вооруженных рыцарей, повелев схватить его и заточить в Тауэр. Каковые рыцари ворвались в церковь, где Губерт стоял у алтаря, держа крест в простертой руке. Они грубо вырвали у него крест, и повлекли в тесную темницу, и позвали кузнеца, дабы заковал его в цепи. Кузнец же спросил: «Кого это велите мне заковать?» Они отвечали: «Губерта де Бурга». И сказал кузнец: «Помилуй бог! Ни за что не буду заковывать в железа человека, который столько раз спасал Англию от супостатов!»

Матфей Парижский записал:

«Хотя повелел король всем графам и баронам своего королевства быть в Оксфорде к празднику святого Иоанна, они не пожелали ему покорствоваться, ибо возмущены были бесчинствами чужеземцев, каковых король дарил милостью, к сраму и унижению для магнатов Англии. Король в великом гневе призывал их дважды и трижды, они же ответствовали через гонцов, что не явятся, доколе не будут чужеземцы удалены от двора».

Записал:

«В том же году брат Роберт Бэкон из ордена проповедников в городе Оксфорде перед королем и епископом Винчестерским проповедовал слово божие и прямо сказал королю, что никогда не будет на земле английской мира, доколе не удалит он от себя помянутого епископа. Король же отнюдь не прогневался, но, напротив того, милостиво склонялся сердцем своим внять гласу разума. И тогда, видя, что он смягчился, случившийся при дворе ученый человек, прозываемый Роджер Бэкон, спросил в остроумных и шуточных словах, однако же смело, с негодованием: «Государь, что всего опаснее и страшнее для плывущего через бурное море к берегу?» Король отвечал: «Про то ведают странствующие и путешествующие по большим водам». И тогда молвил королю этот человек: «Государь, я скажу: всего опаснее скалы и утесы».

Матфей Парижский продолжил:

«В год от рождества Христова тысяча двести сорок третий и в год царствования своего двадцать восьмой король Англии о рождестве бездеятельно пребывал в Бордо. И дабы не было напрасной потерей времени, повелел король войску идти к монастырю, Веррине именуемому, и помянутый монастырь штурмом взять».

«И в том же году король Франции Людовик повелел собраться знатным людям своего королевства, и когда все собрались, епископ Парижский, при котором король, когда был у врат смерти, клятвенно обещал, если исцелится, принять крест и идти походом в святые земли, сказал так: «Государь, откажись от крестового похода, ибо без тебя по всей Франции произойдут смуты. Ведь был ты тогда недужен и собой не владел». И о том же просили короля его мать и братья. И сказал король: «Быть по вашему желанию» – и отдал крест помянутому епископу. И все возликовали, а король, мало помедлив, сказал гневно: «Теперь же владею рассудком своим и памятью, и потому отдайте мне крест господина моего Иисуса Христа». И принял крест наперекор всем стенаниям...»

Шел год тысяча двести пятьдесят третий.

Матфей Парижский записал:

«Пребывая на одре смерти, Роберт, епископ Линкольнский, призвал к себе брата Иоанна из ордена проповедников, искусного в медицине и сведущего в богословии, и помянутого брата, а равно и прочих монахов сурово упрекал за то, что многие проповедники и минориты не соблюдают добровольно бедности, и пороки их порицал со строгостью... Немало горьких истин сказал епископ, тяжело больной и умирающий, о собратях своих, недостойных церковнослужителей.

Был он правдивый избличитель пред папой и королем, смелый обвинитель возгордившихся священников, гроза порочных монахов, наставник и друг своих учеников, проповедник

пред народом, бичеватель алчных и жадных. Был он в жизни щедр, красноречив, добр, благо-склонен и приветлив. А в делах духовных ревностен был, и скорбен, и сокрушен сердцем».

«При наступлении августовских календ была ночь ясна и воздух прозрачен, и то тут, то там срывались с неба звезды, низвергались вниз с дивной стремительностью и в таком множестве, что если бы все они воистину были звездами, ни единой звезды не осталось бы на всем небесном своде».

«В год от рождества Христова тысяча двести пятьдесят восьмой и в год царствования своего сорок третий Генрих король Англии отпраздновал рождество в Лондоне с великой пышностью и торжественностью...

А весной созван был в Лондоне парламент, и потребовал король на свои расходы незамедлительно столько денег, что никак нельзя было их выплатить без конечного разорения баронов и всего королевства.

Долговременны были споры между королем и магнатами, и всякий день множились против короля упреки, что не исполняет свои клятвы и нарушает Великую хартию вольностей. В особенности же Симон, граф Лестер, говорил с негодованием, порицал короля, а равно всех приближенных к нему чужеземцев и требовал справедливости. Главное же, избличал он короля и винил в том, что король всех чужеземцев обласкал и милостями осыпал, английских же своих вассалов ограбил и обездолил, к разорению всего королевства, так что даже столь ничтожного и презренного врага, как валлийцы, англичанам одолеть не можно. И закончил речь на том, что нельзя королю столь много злоупотреблять своею властью. Король же на то отвечал, что признает правоту помянутых прежде упреков, и со смирением обещал клятвенно у алтаря, что прежние несправедливости свои наивозможным образом искупит и впредь милостив будет к английским своим подданным. Но поскольку прежде попирали он их права многократно, магнаты в правдивость слов королевских не поверили и не ведали, как поступить впредь, ибо дело было важное и многотрудное, а потому порешили его отложить и собраться парламенту в Оксфорде перед праздником святого Варнавы. Тем временем, самые знатные магнаты Англии, графы Глостер, Лестер и Герефорд, и прочие, дабы себя надежно оберечь, объединились, ибо весьма опасались козней и подвохов от чужеземцев, от короля же ожидали всяческого коварства, и собрали большое конное войско».

Вместе с чумой начался голод. Матфей Парижский записал старческой рукой:

«В том же году свирепая и страшная чума посетила Англию, а в особенности простых людей, и этих несчастных поражала смертной погибелью. В городе Лондоне умерло уже пятнадцать тысяч бедняков. И еще был в Англии голод, и многие тысячи человек через то смерть приняли. А по причине беспрестанных дождей таковой был недород, что во многих местах королевства вовсе никакой не сняли жатвы».

Матфей Парижский был дряхл, ехал вслед за королевской свитой, вез с собой пергамент, и у пояса у него была чернильница, а за ухом перо. И он записал:

«На праздник святого Варнавы магнаты и прочие знатные люди королевства поспешили в Оксфорд, где надлежало собраться парламенту, при оружии и в готовности оборонить себя от врагов, ибо опасались нападения валлийского войска, а также немало тревожились, как бы из-за раздоров не произошла междоусобная война и король со своими родичами из Пуату не призвал на подмогу чужеземцев против своих английских подданных. Имея таковую опаску, озаботились магнаты послать подкрепления во все морские порты. Когда же собрался парламент, стояли магнаты твердо на своем и требовали, дабы король Великую хартию соблюдал неукоснительно и безотменно, коль скоро Генрих хартию многократно подтверждал и соблюдать клялся. А сверх того требовали, дабы было им предоставлено самим выбрать верховного судью, каковой оказывал бы справедливость обиженным, равно богатым и бедным. Кроме того, хотели они ведать и другими важными делами к общей пользе, миру и чести королевства. Помянутые решения и определения они с настойчивостью убеждали короля принять, объявив,

что скорее лишатся всех земель своих, и достояний, и даже живота своего не пощадят, а на том будут стоять непоколебимо. Король же дал согласие и поклялся твердо все предложенное принять, и таковую же клятву принес сын его Эдуард. Однако воспротивились этому родичи королевские из Пуату и прочие иноплеменники...

Магнаты же, подождав несколько времени, собрались вновь в обители братьев-проповедников, где торжественно подтвердили свою решимость не щадить живота, дабы королевство, в коем они рождены, от иноплеменников и зловредных людей очистить и для общего блага законы учинить. А кто станет противиться, тех принудят силой. Ибо принц Эдуард, хоть и поклялся, готов был от клятвы своей отречься, и Генрих, сын германского короля, и граф Вильгельм из Валанса, и прочие чужеземцы заверяли клятвенно, что никогда не отдадут землю и замки, каковые король милостью своей в Англии им пожаловал. На это сказал граф Лестерский Вильгельму из Валанса, разумея также других спесивцев: «Сам знаешь прекрасно, что либо отдашь замки, либо неносишь головы!» И прочие графы и бароны произносили таковые речи. Чужеземцы же, устращась, бежали прочь с великой поспешностью, а в пути часто приказывали слугам подниматься на высокие башни и смотреть, не гонятся ли за ними бароны. Так, претерпевая страх, добрались они до Винчестера, где уповали обрести защиту. Бароны же тем временем избрали верховного судью, англичанина по рождению, человека благородного и доблестного, а также изрядно сведущего в законах королевства, Гугона Бигода, брата графа Маршалла, дабы должность свою с непоколебимостью исполнял и не допускал совершаться несправедливостям. Когда же стало баронам ведомо о бегстве чужеземцев, поняли они, что медлить не должно, ибо Винчестер к морю близок, и коль скоро к чужеземцам подоспеет подмога, как бы не учинилось от них нападения с тыла. А потому, вскочив на коней, бароны ускакали, и на том порешился парламент в Оксфорде, и предпринятое содеялось с немалыми тяготами».

Накануне Рождества Матфей Парижский оглянулся на прожитый год, прежде чем внести в хронику итоги. Он написал:

«Вот истек этот год, на все предыдущие не похожий, принесший чуму, голод и смерть, дожди, недород и смуты. Люди бедствовали и умирали с голоду, и такое множество народу приняло смерть, что покойников сваливали кучей в одну яму. Не было жатвы на полях, и простые люди имущество свое продавали и покидали пустую землю целыми семьями, не имея надежды, каковой могли бы утешиться в отчаянности. И если не будут куплены за морем хлебные припасы, нельзя усомниться, что погибнет Англия, оставленная на произвол судьбы».

А в следующем году хроника обрывается – из-за смерти летописца монаха.

Типажи

«Видение Уильяма о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда – один из выдающихся памятников европейского средневековья, ярчайшее явление литературной и политической жизни Англии XIV столетия. Глубоко народный, воинствующе антиклерикальный характер «Видения» делает это произведение актуальным и в наши дни. Здесь публикуется (с некоторыми сокращениями) мой стихотворный перевод «Пролога» поэмы.

Почему спустя столетие после Роджера Бэкона целесообразнее представить время нашего героя типажам XIV века, а не исконного XIII?

В условиях консерватизма английской истории вообще (и средневековой в частности) социальные типажи за столетия не только потускнели, а, напротив, – сделались действительно хрестоматийными. Так творится история – вечно актуальная вопреки так называемому прогрессу, не отменяющему уроки истории, поучительные назидания прошлого.

Это именно типажи XIII столетия, хотя и пришедшие в XIV век с его недавней памятью по веку минувшему.

Потому что это живая литература, выразительно запечатлевшая чувство и мысль народных еретических движений своей страны и своего времени. «Чёрная смерть», или чума, обнищание крестьян, бесчинства придворной клики, разложившееся францисканское братство... Совсем близко – восстание Уота Тайлера. Книга восставших. Запретное, но дорогое чтение.

Социально-нравственный темперамент поэмы направлен не на ниспровержение основ средневековой жизни, а на восстановление начальной чистоты этих основ, что особенно противно имущим власть. Не такой ли Роджер Бэкон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.